

Элиот Уейнбергер

БОМБА

/перевод с англ. М. Хазина/

26 мая 1982 года в нью-йоркском Таун-Холле состоялись чтения в пользу движения за прекращение ядерного вооружения. Под несколько претенциозным названием "Поэты против-конца света" они были организованы Галвеем Киннелом и насчитывали, не самое лучшее число, 13 поэтов: Амира Барака, Роберт Блай, Джейн Купер, Дэвид Игнатов, Джун Джордан, сам Киннел, Эстридж Найт, Стенли Кьюниц, Дениза Левертс, Филип Левин, В.С.Мервин, Джозефина Майсл и Саймон Дж.Ортис, а также кинозвезды Джим Клейберг и Осси Дэфис в качестве ведущих. Со времен вьетнамской войны это были, наверно, первые чтения в Нью-Йорке, собравшие такую многочисленную аудиторию. Весь Таун Холл был распродан оживленной толпе, состоящей в основном из студентов-гуманитариев, которые в кульминационный момент вечера встали, приветствуя Кьюница, читавшего с йитсовской высокоголосой монотонностью стихотворение о выброшенном на берег ките. "Поэзия, как жизнь, — против бомбы, как смерти" — вот, как и можно было предполагать, основная идея вечера. Практические вопросы и политические споры тщательно обходились стороной.

Новый выпуск журнала "Поэтри Ист" имеет специальный заголовок "Искусство и пушки. Политическая поэзия у нас и за рубежом" и открывается симпозиумом о чтениях в Таун-Холле, которые по мнению издателей являются "важным событием в литературной истории Америки". Все поэты-участники, за исключением Блая и Мервина, высказываются по этому поводу, а Киннел дает интервью о важности этого вечера.

Судя по высказываниям, все поэты рассматривают эти чтения как значительный политический жест — многие сравнивают их с чтениями, проводившимися против войны во Вьетнаме. Барака считает, что "социальная ответственность" и "позитивная точка зрения", принятая поэтами, приведет в грядущие годы к "динамичной, социально значимой поэзии". С другой стороны, Киннел утверждает, что вопрос о ядерном воору-

жении "настолько фундаментален", что тут даже "неполитический" поэт может стать "политическим". Найт, охватывая обе точки зрения, откровенно признается, что принял в этом участие потому что "1) меня попросил мой хороший друг Галвей Киннел и 2) это была возможность сунуться туда /где когда-то/ были/ мои слова".

Тут нужно разобраться. Прежде всего, антиядерное движение, провозглашаемое поэтами в Таун Холле и спустя две недели почти-миллионом демонстрантов на улицах Нью-Йорка, ограничивалось только выражением ужаса перед возможностью ядерной войны. Демонстрация и чтения были "против конца света" — то есть, скорее защищали непрерывность, чем осуждали уничтожение жизни на земле.

На мой взгляд это позиция философская, а не политическая. Такая позиция привлекательна практически для каждого на Западе /за исключением тех, кто находится у власти/ от нацифистов до таких убийц, как Уильям Колби. В противовес словам Найта она именно потому и заманчива, что на данном этапе никто не должен соваться со своими взглядами. Быть просто против конца света совсем не обязывает бросать вызов существующему положению.

Восторженность тона чтений и высказываний в "Поэтри Ист", думаю, что эти поэты действительно что-то делают, действует удручающе. Я подозреваю, к своему глубокому неудовлетворению, что первое такое движение со времен войны во Вьетнаме, охватило души поэтов не потому, что это дело первостепенной важности нашего времени, а скорее потому, что, как говорит Киннел, оно дает возможность неполитическим поэтам казаться политическими, не затрагивая саму поэзию и не подвергая опасности положение в университетах и благосклонность правительства. Поэт продолжает делать то же самое, что и раньше, но с некоторым налетом иронии или сарказма. Если рассматривать, как указание тому, чтения в Таун Холле, то мы имеем все то же стихотворение о нарциссе, но теперь нарцисс рассматривается, как подразумеваемое /не высказываемое/ противопоставление гибели всех нарциссов. Это все то же старое стихотворение о

выброшенном на берег ките, но теперь, этот кит мы сами.

Прав ли Барака в том, что антиядерное движение приведет к социально ответственной поэзии /не говоря уже о конкретных действиях/ остается только гадать. Поэты по-сих пор находятся на стадии философских рассуждений: мыслят о неммыслимом, смерти предпочитают жизнь. Что совершенно отсутствует, так это, политические вопросы: как предотвратить конец света, как ядерное безумие, в котором мы живем, влияет на жизни поэтов и жизнь поэзии в этой стране.

Доход от чтений в Таун Холле пошел в группы, ведущие борьбу за прекращение производства ядерного оружия. Это — прекрасный, хотя и робкий, начальный шаг. Если бы прекращение вооружения произошло сегодня, то в мире все-таки остались бы 10170 американских и 7400 советских ядерных боеголовок, не говоря уже об Англии, Китае, Франции и, вероятно, Израиле и Южной Африке. Каждая из этих боеголовок в 1000 — 600000 раз превосходит мощность бомб, разрушивших Хиросиму и Нагасаки, и вместе они могут уничтожить все население Земли и еще шести, семи таких же планет.

Очевидно, что поэты и все мы должны думать о более глубоких вещах, нежели простое замораживание производства ядерного оружия, поскольку разоружение требует совместного преобразования всего общества, которого не знала наша история, и поэтому кажущегося таким же невозможным, как и уничтожение жизни. Невозможно забыть то, что мы уже знаем, особенно сейчас, когда технология производства бомбы относительно проста, и невозможно заставить мир заявить вместе с некоторыми поэтами и адептами мистицизма, что существует Знание, Которое Запрещено Познавать. Но, вероятно, можно покончить с Ядерным Веком, не взлетая на воздух. Это, однако, повлекло бы за собой прекращение всякой ядерной активности, как военной, так и хозяйственной; не только демонтаж оружия, но и всего того, что необходимо при производстве бомбы.

Непосредственная задача, наиболее конкретно влияющая на нашу жизнь, это попытка избавиться от психоза, влекущего

нас к войне, которая покончит со всеми войнами и всем миром. В течение 40 лет Запад и особенно Соединенные Штаты охвачены массовой истерией, от которой все мы, как верящие, так и не верящие, ежедневно страдаем. Я говорю о безумии антикоммунизма. Не об антикоммунизме, как идеологической позиции — критике единственно допустимой политической экономической системы, а об антикоммунизме, как о крестовом походе, о приравнивании коммунизма к Дьяволу, Сатане.

Мы держим наш ядерный арсенал во имя антикоммунизма, ежедневно мы убиваем, прямо или косвенно, сотни людей в разных частях света во имя антикоммунизма, мы даем миллиарды убийцам за границей, потому что любой враг нашего врага, наш друг. Из-за антикоммунизма мы играем в эту мировую видеоигру, где никто не выигрывает, а только оттягивает поражение.

Давая такое манихейское видение этого американского /и советского в зеркальном отображении/ безумия, необходимо верить, что неудачи марксистских /или точнее промарксистских/ государств не создадут антикоммунистов. Антикоммунизм — это иллюзия, что существует некто Другой, который должен быть уничтожен, чтобы мы могли жить. Кроме того, создается иллюзия, что этим Другим нет числа и что любой может стать или уже стал одним из Них. Хуже, что это иллюзия, в которую мы верим отчасти или избирательно. /Например, Китай — вчерашняя опасность, сегодняшний Потенциальный Рынок/.

В настоящее время мы или наши заместители убивают людей в Гватемале, Сальвадоре и Никарагуа, чтобы остановить "распространение советского влияния". Мы ведем эти малые войны, потому что большая война слишком ужасна. Но даже если мы примем на веру идиотское замечание, что любая борьба против несправедливости начинается с Москвы, захотим ли мы тогда действительно завоевать или уничтожить Советский Союз? Что случилось бы, если завтра у СССР не оказалось бы ядерного оружия, а все наше осталось бы? Что мы стали бы делать? Бомбить их? захватывать земли и восстанавливать капитализм? /Ну вот, Иван, теперь ты владелец завода./

Конечно, нет. Войны ведутся по двум причинам: 1) для отражения вражеской агрессии и 2) для поддержки бизнеса /Вторая причина за примечательным исключением. Опиумной войне маскируется идеологией/. В настоящий момент существуют, вероятно, сотни миллионов людей, которым не нравятся США, но у США нет активных врагов. Никто реально не угрожает нашим берегам. Для американского бизнеса форма правления любой зарубежной страны не имеет значения. Мы успешно торгуем как с Венгрией, так и с Южной Африкой, как с Ливией, так и со Швейцарией. /Что касается, так называемых, враждебных народов, то они враждебны только по отношению к американской собственности на национальные предприятия/. Нам не нужно бороться за обеспечение безопасности американского бизнеса в мире. И когда мы поддерживаем симпатии Рюса Монта или Пиночета и попытки борьбы с сандинистами, мы уже боремся не за сохранение демократических идеалов. То, что мы делаем — это бесконечное наращивание ~~и~~ нашего военного арсенала за счет собственных жителей и произвольное опустошение других районов земного шара, безо всякой на то причины. Мы делаем это, потому что мы сошли с ума и именно антикоммунизм сделал нас такими.

А какое же место занимают во всем этом поэты? В том же выпуске "Поэтри Ист" имеются ответы издателей литературных журналов на вопросы о "поэзии, политике и публикациях". Их ответы охватывают диапазон от не самой подходящей цитаты из Брехта: "Что за времена, когда разговор о деревьях почти преступление?" до не самой неподходящей цитаты из Максина Кумин: "Поэзия слишком хрупкое искусство для полемики". /О, боже!/. Большинство же скатывается к обычной головоломке "хорошая/плохая политика не обязательно означает хорошую/плохую поэзию". Совершенно отсутствуют рассуждения о том, что поэт может быть также и гражданином /способным к деятельности, отличной от писания поэзии/ и писателем /способным к писанию, отличному от поэзии/. Один из ответов цитируется во всей своей полноте: "Политика — это нож и вилка. Искусство — это китайские палочки". Остроумно, конечно,

но не совсем верно. Сегодня-политика — это нож, а искусство — это одна китайская палочка.

Нам пора начать думать о том, что Бомба сделала с поэзией. Вопрос уже не звучит как "Можно ли написать что-то после Одвенцима?", а скорее "Можно ли что-то писать перед Армагеддоном?" Бомба, к примеру, уничтожила основной миф, которым живут поэты: "Неважно, читают меня сегодня или нет, но будущие поколения будут читать меня". Американская поэзия в большей части написана для еще не родившихся: ядерная война, больше, чем смерть живущего грозит прекращению всякого будущего существования, или исходя в данный момент из собственных узких интересов, уничтожение потенциального читателя. Мне кажется, что отрицание будущего поколения приводит отчасти к культу личности в поэзии: чтения, представляющие собой скорее эстрадные комедийные монологи, чем поэзию, журналы, печатающие фотографии поэтов, которые по размеру превосходят сами стихотворения, сутолока и общая атмосфера "хватай, пока можешь", отсутствие полемики и боязнь сделать лишний шаг.

Более того, создается впечатление, что американская поэзия, особенно тех, кто родился после 1945 года — Облученного Поколения, написана, если не в башне из слоновой кости, то по крайней мере в гоме — сообществе схожих душ — в далеких неприступных горных районах. Хуже, что существуют группы, приверженные фантазиям, ностальгии, манерности. Существует тоска по дням дадаизма, сюрреализма, тоска по возвращению Койота. Порхающие проникновения пойманы в сачок и приколоты к бумаге. Правые эстетсы рассматривают поэзию, как материал подходящий лишь для анекдота и воспоминаний о летнем лагере. Левые говорят так, словно десница карающая — уже опустилась на землю. Почти вся поэзия пишется в соответствии с изречением Конфуция: "в плохие времена, подымайся в горы", которое уже не применимо. В ядерный век нет ни гор, ни мира — от которого можно уйти. Гераклит был точнее, сказав, что "Нельзя спрятаться от того, что не исчезнет".

Нам пора начать думать о зависимости поэта от милитаристского государства: о превращении поэта в начале 70-х годов из поэта традиционного противника государства, в поэта, находящегося на его попечении; наша жизнь и публикации в большой степени зависят от подачек правительства — нескольких долларов, не запущенных в военную машину. Мы должны рассмотреть роль поэтов, работающих на факультетах бок о бок с разработчиками ядерного оружия. Мы должны прекратить свою изоляцию не от абстрактных "людей", а от мира. /Последнее поколение поэтов, представленных в антологии "Новые американские поэты" широко путешествует по странам Третьего мира. Это видно из работ/. Безумие антикоммунизма можно излечить только тогда, когда Америка поймет, что демон — это только человек, как это было с Китаем. Нам нужны очевидцы, чтобы понять борьбу стран за самоопределение, понять то, что создается в коммунистических странах и рассказывать нам все, что они видели. /По-моему, популярность Каролин Форше вызвана тем, что она единственная, кто точно описал события в Сальвадоре/. Нам необходимо заново оценить ту малую аудиторию, которую мы собираем в классах университетов, в читальных залах и через печать. /Издательство Менар Пресс в Англии вообще перестало издавать поэзию и полностью перешло на материалы, связанные с антиядерным движением — шаг, который, я думаю, большинство поэтов считают скандальным/. Кроме всего, нам надо пересмотреть распространенную догму о том, что поэт должен писать поэзию, исключив все остальное.

Головоломка хорошая/плохая политика/поэзия не разгадываема — то есть, существуют только отдельные конкретные решения. Примерами являются поэты, которые были членами коммунистической партии в 1930-х годах. Большинство из них: Хикмет, Макдиармид, Неруда и многие другие выбрали политическую поэзию: дневные возгласы и призывы к оружию. Кое-что из этой поэзии постоянно прочтения, остальное — нет. Это была игра, в которой сиюминутный эффект мог также иметь вечную ценность, игра, в которой верили, что поэзия служит своей цели. /Сегодня, конечно, сами слова "вечная ценность"

звучат сомнительно/.

Были и другие решения: Сесар Вальехо продолжал писать поэзию, почти недоступную для масс и представляющую скорее отношение к политике, чем сами политические заявления, но он послужил коммунистической партии, написав огромное количество дидактической прозы /кое-что появилось недавно в английском переводе: "Случай с Маяковским" и "Аутопсия-сurreализма", опубликованные издательством Кербстоун Пресс в сборнике "Искусство в работе"/. Это проза, которую может написать любой. /"Социальная революция вращена кровью и битвами пролетариата, и на его переднем фронте находятся большевики, авангард рабочего класса"/, но дело все в том, что Вальехо чувствовал, что это необходимо писать, что это должно быть написано в прозе, а не в стихах и написано так, чтобы не компрометировать поэзию.

Другая позиция, которую выбрал известный поэт и член компартии Джордж Оппен, состояла в том, что он бросил писать вообще и посвятил себя организаторской деятельности:

Я не верил в политическую поэзию или в поэзию политически действенную. Я не верил даже в то, что человек мог искренне сказать: "Да, я поэт и внесу свой вклад в это дело, написав стихи." Я не верю, что это честнее, чем вырезать из дерева орехи только потому что ты плотник.

Выступление поэтов в Туэн Холле подтверждает точку зрения Оппена: "Вот мои деревянные орехи против конца света". Но пример некоторых поэтов во время войны во Вьетнаме показывает, что можно быть одновременно политическим поэтом и неполитическим поэтом, писателем политической прозы и активным гражданином. Без сомнения поэзия достойно послужила антивоенному движению^{х)}, и на пересечении искусства и политики движение послужило поэзии. Случится ли это опять, или же поэты останутся в гоме, бросая слова в пространство, пока огненная буря не развеет их песни?

х) Во время споров о том повлияло ли антивоенное движение /см. след. стр./

на конец вьетнамской войны, было выяснено недавно, что это движение случайно спасло мир от гибели. В мемуарах Никсона и Холдсмана сказано, что осенью 1969 года Никсон поручил Киссинджеру сообщить в Северный Вьетнам, что если они не примут его условий по заключению мира, то он применит ядерное оружие. Крайний срок был 1 ноября, и это был не блеф: имелись разработанные планы, в которые входила, как минимум одна цель в полутора милях от китайской границы. Северный Вьетнам не ответил на угрозу, и Никсона убедили не вводить этот план в действие, как он утверждает по одной единственной причине: вьетнамского моратория 15 октября и Марша Против Смерти в Вашингтоне 15 ноября. Он понял, что страна не потерпит такого шага и, как он говорит, благодаря антивоенному движению война продолжалась еще несколько лет. Если посмотреть на это с другой стороны, то если бы не антивоенное движение, то человечество могло бы погибнуть.

§§§§§§§§§§§§§§§§